

Dmitrienko A.N., Chuhrova M.G. SPIRITS IN THE EPOS OF SIBERIAN PEOPLE. In the article the theme of alcohol in heroic epics of two aboriginal Siberian people, Altay and Buryat, is considered by medical and philological viewpoints. The functions of using of spirits by characters are presented, the episodes of the uncontrolled use of spirits are examined.

Key words: Epos of Siberian people, the use of spirits by aboriginal Siberian people, transkultural addictology, symptoms of alcoholism.

А.Н. Дмитриенко, аспирант ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, E-mail alina@nskbiz.ru,

М.Г. Чухрова, д-р мед. наук, проф. ФГБОУ ВПО «НГПУ», г. Новосибирск, E-mail: mba3@sibmail.ru

АЛКОГОЛЬ В ЭПОСЕ СИБИРСКИХ НАРОДОВ

В статье с медицинской и филологической точки зрения анализируется алкогольная тематика в героических сказаниях двух коренных народов Сибири – алтайцев и бурят. Выявлены функции употребления спиртных напитков персонажами, изучены эпизоды бесконтрольного употребления алкоголя.

Ключевые слова: эпос сибирских народов, потребление алкоголя коренными жителями Сибири, этнонаркология, симптомы алкоголизма.

Актуальность темы потребления алкоголя коренными народами Сибири и Севера бесспорна. Ряд авторов указывают на наличие патологического влечения к алкоголю у коренных малочисленных народов монголоидной расы (И.Д. Муратова, П.И. Сидоров, В.Б. Миневич, О.К. Галактионов, Г.М. Баранчик, Б.С. Положий, О.А. Гильбурд и др.). Большое количество исследователей указывают на то, что формирование алкогольной зависимости у народов тюрко-монгольской и финно-угорской группы происходит существенно быстрее, чем у этнических русских, из-за особенностей метаболизма и ферментативных систем, оказывающих влияние на кратность приема спиртного, индивидуальную чувствительность, клинику и течение алкоголизма [1; 2]. При анализе структуры алкогольных мотиваций было показано, что у бурят, тувинцев, алтайцев, чукчей, ненцев на первом месте после социально-детерминированных причин выпивок (преобладающей шкалы в любом профиле) стоит субмиссивная мотивация, связанная с невозможностью отказаться от выпивки

«когда наливают», податливостью, покорностью, подверженностью влиянию пьяной компании [3]. Причины этого могут лежать не столько в явлениях аккультурации и дезадаптации [1], сколько в традициях и обычаях, поскольку отказываться от предложения алкогольного напитка – культурально не принято.

Цель данной статьи – на основе данных этнографии и фольклора дать краткое описание значения алкоголя в жизни коренных народов Сибири, проанализировать алкогольную тематику в героических сказаниях алтайцев и бурят, выявить представленность проблем, связанных с потреблением алкоголя.

Этнографическая реальность

Культурно-исторический и антропологический подходы к анализу алкогольной проблемы любого отдельного этноса позволяют рассматривать алкоголизацию человека во всем многообразии и взаимозависимости от традиционных социокультурных, духовных, биологических, бытовых основ его жизнедеятельности. Существует устоявшееся мнение, что «спаивание» ко-

Рис. 1. Аппарат для перегонки араки, 18 век. Представлен в экспозиции Иркутского областного краеведческого музея

ренного населения Сибири произошло в результате контакта их со славянами, «колонизации» русскими Сибири и Севера. Однако игнорируется тот факт, что в традиционном быту практически любого коренного этноса Сибири присутствовали алкогольные напитки разной крепости. Например, у алтайцев и бурят самый слабый напиток – чегень (алт.) и курунга (бур.) – по-особому заквашенное коровье молоко. Далее – арака/арадьян (алт.) и архи/тарасун (бур.) – молочная водка, перегнанная из чегеня или курунга. Самый крепкий напиток – кородьон (алт.) и хорзо (бур.) – многократно перегнанная водка, аналог русского самогона крепостью до 70 градусов.

Существовали способы приготовления крепкого алкоголя путем неоднократной перегонки перебродивших жидкостей. Например, буряты, калмыки, тувинцы, алтайцы, хакасы владели технологией изготовления крепкой водки, выгоняемой из сквашенного молока (архи, арака, тарасун, айран арагазы) [4]. Вот что писал участник академического отряда Второй Великой Северной экспедиции Г.Ф. Миллер: «Языческие татары, калмыки, монголы, нерчинские тунгусы ...выгоняют ... водку, которую они называют Агаки. Для этого они используют свой плоский котел из чугуна, накрывают его деревянным верхом, в котором имеется трубка, из которой водка стекает в подставленный под нее деревянный сосуд» [цит. по 5, с. 120].

Оценивая качество молочной водки, Г.Ф. Миллер писал: «Водка очень слабая, слабее обыкновенной, или ординарной, хлебной водки, и, кроме того, имеет неприятный для нас запах» [цит. по 5, с. 120-121].

Исследователи выделяют две основные сферы употребления алкоголя у аборигенов Сибири: культовую (ритуальную) и бытовую. «Традиционные алкогольные напитки ... практически у всех сибирских народов играли важную роль в языческой ритуальной практике, – писал Г.Ф. Миллер. – Не только кумысу, но и посуде, в которой его готовили, а также чашкам, из которых его пили, придавалось сакральное значение. Да и наиболее важные праздники обычно проводились в то время, когда начиналось массовое производство кумыса: весной и в начале лета» [5, с. 121]. По свидетельству ученого в обрядовой практике бурят весной происходило жертвоприношение вина и кумыса, которые они перед питьем всегда брызгали в огонь или вверх. По данным археолога и этнографа А.В. Шаповалова, молочная водка осмыслялась как символическая ценность. «... Употребление араки связано со всеми важными моментами в жизни человека и социума, ее пьют при рождении детей, на свадьбе, похоронах, при встрече гостей и т.д. По сути, потреблением этого синтетического наркотика сопровождается любое состояние праздника, когда обыденность отступает на второй план, а социальные рамки раздвигаются до вселенских масштабов, приближая людей к первоначальному миру духов природы» [6]. Бытовое же пьянство, по данным Г.Ф. Миллера, среди аборигенов в XVIII в. было весьма редким явлением, да и распространялось оно лишь на немногих коренных жителей, которые утратили связь с сородичами и жили в городах и острогах.

Таким образом, потребление алкоголя было присуще коренным народностям Сибири и Севера задолго до контакта с русскими, и этот факт богато отражен в фольклоре. Мы рассмотрели алтайский и бурятский эпос с точки зрения врача-нарколога и фольклориста, помня о том, что сказания это не зеркальное отражение действительности, но художественное произведение, в котором в образной форме отразилось мировоззрение народа.

Художественная реальность

Анализ бурятского и алтайского героического эпоса показывает, что эпизоды с описанием возлияний являются не случайными в текстах, о чем свидетельствует их вхождение в такие типические места, как II. А. 13. «Богатырская еда», II. А. 20. а) «Трудная задача, задаваемая жениху», II.А. 21. «Пир» [7].

Действующие лица сказаний прекрасно знают, что спиртные напитки действуют на них, их друзей и врагов совершенно определенным образом и пользуются эффектами алкоголя с корыстными целями.

Алкоголь как атрибут застолья при встрече гостя, активатор коммуникации. Самый частотный эпизод с употреблением спиртных напитков в эпосе входит в типическое место II. А. 13. «Богатырская еда». Угощение едой и водкой – неременное действие при встрече гостей, а также перед прощанием с уходящим в дальний путь человеком. Обычай гостеприимства требует, чтобы на столе было все самое лучшее. В данном случае алкоголь вместе с трапезой выступает как символ достатка, богатства, радушия хозяев. Приведем пример: *Она разложила // Покатый серебряный стол, // Такой, что потянешь его – растянется, // Отпустишь его – сожмется. // Она подала самые лучшие // Из семидесяти кушаний. // Она вынесла и рас-*

ставила // Водку разную – // Всех девяти сортов. // Десять головок сахару расколов, // Она выставила [11, стк. 2452-2462].

Другой эпизод: постаревший Гэсэр, прошедший много военных походов, собирается умереть, т.е. возвратиться на небо к небесным бурханам, т.к. он – герой небесного происхождения. Перед уходом герой хочет рассказать семье о своих подвигах. Для этого он просит вина: *«Если бы я был выпившим, // то о прежних делах // все подробно рассказал бы»* [12, стк. 14020-14022]. *«Немного вина ты принеси – // Я малость поговорю»* [12, стк. 14031-14032]. В данном случае вино служит коммуникатором, активатором, средством для снятия напряжения и облегчения контактов.

Употребление пищи и водки во время приема гостей одобряется традиционным сознанием, однако злоупотребление алкоголем в этой же ситуации – порицается. Симптом отсутствия количественного и ситуационного контроля (формальный признак алкогольной зависимости) неоднократно описывается в бурятском эпосе. Так, в эпосе «Абай Гэсэр-хубун» Ханхан Хормос-тенгри перед битвой с Ата Улан-тенгрием отправился за советом к Малзан Гуримэн-бабушке. *«Коль пришел племянник – // Хан Хормос-тенгри, – // Пили днем архи, // Арахи пили ночью. // И шесть целых суток // Гуляли они»* [13, стк. 45-50]. *«На седьмые лишь сутки // Умом-разумом светлым он стал понимать, // Здравым рассудком он стал рассуждать»* [13, стк. 118-120]. В результате персонажи забыли о войне, а пришедший на место сражения Ата Улан-тенгри решил, что соперник испугался его и объявил себя победителем. Так бесконтрольное самовольное опьянение героя делает его недееспособным, приводит к жизненному краху.

Потеря контроля за своими действиями и собственной жизнью, невозможность предвидеть последствия своих действий в результате опьянения описывается в другом варианте сказания про Абай Гэсэра [13]. Пьяный дядя главного героя Хара Сотон трижды предлагал жене Гэсэра сыграть свадьбу. Женщина позвала на помощь деверя, который выгнал «жениха» из дома и избил кнутом [13, стк. 3245-3370].

Алкоголь как средство подавления воли. В алтайском эпосе «Когутэй» [8] арака помогает герою уговорить отца пойти на верную смерть. В одном из эпизодов герой по прозвищу Бобрёнок посылает своего приемного отца – бедняка Когутэй – сватать себе невесту – дочь могущественного и богатого хана. Дважды хан убивает бедняка-свата, то разрубая пополам, то сжигая в печи, но Бобрёнок оживляет отца. Каждый раз Когутэй отказывается продолжать сватовство, но после употребления араки *«...мысли закружились, пьяными стали...»*, и он соглашается: *«...Если умереть придется, // Пусть умру. // Если нужно пойти, // Пусть пойду»* [8, стк. 637, стк. 652-655].

Алкоголь как оружие. В алтайском сказании «Очи-Бала» [9] богатырка мастерски использует араку в качестве оружия. В собственном доме своего врага Каана-Таадыи-Бия она превратилась в «пухленькую смуглую девушку» и, напоив хана, убила его. Героиня последовательно давала хану подношение за коня, за супругу, за сына, за самого Каана. От такого нельзя было отказать (таков обычай!). При этом указывается высокое качество араки, предлагаемой Очи-Бала своему врагу: она *«Имеет запах // Семидесяти цветов со всей земли, // Имела привкус // Семидесяти яств со всего Алтая», «Запах араки // Благоухал как можжевельник, // Запах кородьона // Благоухал вкусными яствами»* [9, стк. 2946-2948, стк. 3051-3054]. Несмотря на то, что Каан, приняв подношение, «совсем захмелел, зашатался», он подумал: *«заговоренного этого вина не выпить ли еще?...»* Неоднократно подчеркивается для оправдания желания выпить, что *«Здравный чёчэй // Полный-преполный – // В сторону отставлять обычая нет!»* [9, стк. 3049-3051]. В данном случае прослеживается, во-первых, невозможность отказаться от выпивки, несмотря на осознание алкогольного напитка как вещества, приводящего к потере контроля, во-вторых, невозможность противиться опьянению, что указывает на ферментную недостаточность, в-третьих, на невозможность нарушить традицию. В данном эпизоде описывается постепенное усугубление опьянения, которое становится токсическим: *«После того, как выпил пятый чёчэй, в голове его, подобной холму, мозг застучал, завертелся, необъятный ум его понемногу стал убывать...»* [9, вар. стк. 3126-3129]. В итоге Каан выпил семь чёчёев и *«за воздух хватаясь, упал...»* [9, стк. 3143]. Описан тяжелый алкогольный эксцесс героя, в котором единственным ограничителем и выражением пресыщения алкоголем является выключение сознания (тяжелая оглушенность и ступор). Такая картина алкогольного опьянения характерна для большинства представителей монголоидной расы.

Спиртные напитки в качестве оружия для нейтрализации противника используют как положительные, так и отрицательные персонажи. Например, в бурятском сказании «Еренсей» жена главного героя предложила поехать мужу на охоту. В отсутствие супруга женщина исцелила раннее убитое Еренсеем чудовище – мангадхая. Когда герой вернулся домой с добычей, жена попыталась отравить его: «*Не пересохла ли у тебя во рту? // Котел [вина] я выкурила, – говоря, // вино она принесла // из десяти котлов*» [10, стк. 1848-1851]. О высоком градусе спиртного и степени опьянения свидетельствует цитата: «*Не этой ли водкой // из двадцати котлов, // меня хотят отравить? – скажа, // выпил прямо из ведра и, // ведро закинув в правый угол, // вдребезги его разбил. // Красное и синее пламя выпуская // из рта и ноздрей, // назад и вперед покачиваясь, // сидел он там*» [10, стк. 1871-1880]. Благодаря предательству супруги героя чудовище победило Еренсея, положило его в бочку и отравило в море.

Излишняя доверчивость и следование традициям оказываются для героев опасными. Богатырь Аламжи Мэргэн [11] жил спокойно с сестрой. Когда стал подрастать, дядья его задумались о будущем дележе его хозяйства и послали племянника на войну с мангадхаем, надеясь на смерть Аламжи. Однако герой вышел из боя победителем. По дороге домой дядья, шантажируя самоуверенностью, вынудили героя остановиться и отведать их угощение. В итоге Аламжи Мэргэн опьянел от отравленного зелья и умер. Интересно описание принятия алкоголя: «*Первый жбан архи // Разом он выпил. // Второй жбан архи // Следом он выпил. // Бараны головы и лопатки // Зараз он съел...*» [11, стк. 2284-2289]. «*Сосем захмелев, тем не менее, богатырь просит еще: // Дяди мои! // Не осталось хотя бы чашки архи // На доньшке вашего жбана?*» [11, стк. 2293-2295]. Налицо симптомы потери контроля за количеством выпитого. Герой напился до того, что «*два пестрых глаза его стали закатываться*» [11, стк. 2314-2315], т.е. у богатыря стало туманиться сознание от выпитого отравленного зелья. Как считают составители тома [11], это пример экспрессивной образной характеристики, переносащей ощущение («пестрит в глазах») на внешний вид предмета.

Алкоголь как атрибут праздника, народного пира. Персонажи смело употребляют спиртные напитки во время народного пира по случаю наречения имени богатыря, свадьбы, окончания войны. «*Бочками измеряя, // вино выносили, // с холм величистой // мяса нанесли... И днем гуляли, // выпивая вино, // и ночью веселились, // попивая вино... Из подданных и народе его // одни свалились, // иные были пьяны. // Друг друга поддерживая, // домой [они] расходились*» [10, стк. 8812-8846]. Подобные эпизоды вошли в типическое место II.A. 21. «Пир», где силь-

ное опьянение культурно санкционировано, где «молочная водка – необходимый атрибут свадьбы и пиров в алтайском, присаянском и якутском фольклоре» [8, с. 181].

Алкоголь как испытание. Персонажи сказаний используют свойство алкоголя расслаблять человека и «развязывать рот» во время свадебных испытаний героя. Употребление спиртных напитков в традиционном обществе было прерогативой мужчин, поэтому в эпосе для того, чтобы выяснить половую принадлежность сватающего жениха, испытать его мужество, тесть героя пытается напоить богатыря (типическое место II.A. 20. а) «Трудная задача, задаваемая жениху». Приведем пример: «*Из табунов передней стороны // Трех сивых кобылиц // Велел пригнать и доить. // С задней стороны табунов // Шесть соловых кобылиц // Пригнав, доили. // В трех бочках молочной закваски // С родниковый поток заквасив, // Для бурятского народа своего // Приказал тарасун звать. // Арзу знали; // Арзу снова перегоняли, // Арзу снова перегнав, // Хорзо получаю, гнали; // Хорзо снова перегоняли, // Хорзо снова перегнав, // В ядовитый деготь превращая, гнали. // Велел [хан] для зятя своего // Праздник устроить. // Собрав народ и подданных своих, // Вином их потчевал* [15, стк. 1232-1252]. Обычно с заданием выпить хорзо справляется конь богатыря, вместо хозяина выпивающий этот крепкий напиток, тем самым спасающий героя от беды.

Итак, сибирский эпос дает нам свидетельства широкого использования алкоголя как психотропного средства. Выявляется большинство основных мотиваций употребления алкоголя: социокультурно детерминированные мотивы, связанные с праздниками, ритуалами, обычаями; субмиссивная мотивация (нельзя отказать, если угощают!), эксплуатируется коммуникативная функция алкоголя, его атарактические (усложняющие) свойства. Выявлены функции алкоголя в эпосе: алкоголь как атрибут застолья при встрече гостя, активатор коммуникации, как оружие, как средство подавления воли, как атрибут праздника, как испытание. Заметим, что спиртные напитки как средство достижения цели используют как положительные, так и отрицательные персонажи. Показано, что в эпосе хорошо описаны клинические признаки алкогольной зависимости и плохой переносимости алкоголя алтайцами и бурятами, амнестические формы опьянения, антиципационная несостоятельность (неспособность прогнозировать результат того или иного процесса), что характерно для правополушарных личностей. Эти сведения, почерпнутые из народного эпоса, позволяют с уверенностью сказать, что традиции народов алтайцев и бурят Сибири в отношении алкоголя достаточно древние, стойкие, и существовали задолго до прихода славянских переселенцев.

Библиографический список

1. Семке, В.Я. Транскulturальная аддиктология / В.Я. Семке, Н.А. Бохан. – Томск, 2008.
2. Семке, В.Я. Психическое здоровье коренного населения Восточного региона России / В.Я. Семке, М.Г. Чухрова, Н.А. Бохан, И.Е. Курьянова, Л.Л. Рахматова. – Томск; Новосибирск, 2009.
3. Чухрова, М.Г. Патологические и психосоматические аспекты потребления алкоголя в Туве / М.Г. Чухрова, С.А. Курилович, В.П. Леутин. – Новосибирск, 1999.
4. Никишенков, А. Традиционный этикет народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока // Татарский мир. – № 21 [Э/р]. – Р/д: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=646>
5. Элерт, А.Х. Алкоголь и галлюциногены в жизни аборигенов Сибири (По материалам Второй Камчатской экспедиции) // Наука из первых рук. – 2007. – № 6.
6. Шаповалов, А.В. Магический гриб мухомор. К вопросу об использовании психотропных средств в шаманской практике // Сибирская заимка [Э/р]. – Р/д: <http://zaimka.ru/culture/shapovalov1.shtml>
7. Кузьмина, Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). – Новосибирск, 2005.
8. Алтайский эпос «Когутэй». – М.; Л., 1935 [Э/р]. – Р/д: http://www.dmitriyzhitenyov.com/load/kogutehj_altajskij_ehpos_m_l_quot_academia_quot_1935_205_str_tirazh_5_300_ehkz_pdf/1-1-0-57
9. Очи-Бала // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: в 60 т. Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск, 1997. – Т. 15.
10. Еренсей. – Улан-Удэ: Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР, 1968.
11. Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: в 60 т. – Новосибирск, 1991. – Т. 2.
12. Абай Гэсэр-хубун: в 2 ч. Эпопея. Эхирит-булагатский вариант. – Улан-Удэ: Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР, 1961. – Ч. 1.
13. Абай Гэсэр. – Улан-Удэ: Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР, 1960.
14. Абай Гэсэр-хубун: в 2 ч. Ошор Богдо и Хурин Алтай. – Улан-Удэ: Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР, 1966. – Ч. 2.
15. Айдурай Мэргэн. – Улан-Удэ, 1979.

Bibliography

1. Semke, V.Ya. Transkulturalnaya addiktologiya / V.Ya. Semke, N.A. Bokhan. – Tomsk, 2008.
2. Semke, V.Ya. Psikhicheskoe zdorovje korennoho naseleniya Vostochnogo regiona Rossii / V.Ya. Semke, M.G. Chukhrova, N.A. Bokhan, I.E. Kurpyanova, L.L. Rakhmatova. – Tomsk; Novosibirsk, 2009.
3. Chukhrova, M.G. Patofiziologicheskie i psichosomaticheskie aspekty potrebleniya alkogolya v Tuve / M.G. Chukhrova, S.A. Kurilovich, V.P. Leutin. – Novosibirsk, 1999.

4. Nikishenkov, A. Tradicionniy ehtiket narodov Kraynjego Severa, Sibiri i Daljnego Vostoka // Tatarskiy mir. – № 21 [Eh/r]. – R/d: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=646>
5. Ehler, A.Kh. Alkogolj i gallyucinogenih v zhizni aborigenov Sibiri (Po materialam Vtoroy Kamchatskoy ehkspedicii) // Nauka iz pervihk ruk. – 2007. – № 6.
6. Shapovalov, A.V. Magicheskiy grib mukhomor. K voprosu ob ispolzovanii psikhotropnihk sredstv v shamanskoy praktike // Sibirskaya zaimka [Eh/r]. – R/d: <http://zaimka.ru/culture/shapovalov1.shtml>
7. Kuzmina, E.N. Ukazatelj tipicheskikh mest geroicheskogo ehposa narodov Sibiri (altayjcev, buryat, tuvincev, khakasov, shorcev, yakutov). – Novosibirsk, 2005.
8. Altajskiy ehpos «Kogutehyj». – M.; L., 1935 [Eh/r]. – R/d: http://www.dmitriyzhitenyov.com/load/kogutehj_altajskij_ehpos_m_1_quot_academia_quot_1935_205_str_tirazh_5_300_ehkz_pdf/1-1-0-57
9. Ochi-Bala // Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Daljnego Vostoka: v 60 t. Altajskie geroicheskie skazaniya. Ochi-Bala. Kan-Altihn. – Novosibirsk, 1997. – T. 15.
10. Erensey. – Ulan-Udeh: Buryatskiy kompleksniy nauchno-issledovateljskiy institut SO AN SSSR, 1968.
11. Buryatskiy geroicheskiy ehpos. Alamzhi Mehrgehn molodoy i ego sestrica Aguyj Gokhon // Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Daljnego Vostoka: v 60 t. – Novosibirsk, 1991. – T. 2.
12. Abayj Gehsehr-khubun: v 2 ch. Ehpopeya. Ehkhirit-bulagatskiy variant. – Ulan-Udeh: Buryatskiy kompleksniy nauchno-issledovateljskiy institut SO AN SSSR, 1961. — Ch. 1.
13. Abayj Gehsehr. – Ulan-Udeh: Buryatskiy kompleksniy nauchno-issledovateljskiy institut SO AN SSSR, 1960.
14. Abayj Gehsehr-khubun: v 2 ch. Oshor Bogdo i Khurin Altaj. – Ulan-Udeh: Buryatskiy kompleksniy nauchno-issledovateljskiy institut SO AN SSSR, 1966. – Ch. 2.
15. Ayjdurayj Mehrgehn. – Ulan-Udeh, 1979.

Статья поступила в редакцию 12.09.12